

РЕЧЕВЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

УДК 343.42, ББК 67.408.1, ГРНТИ 10.77.51, Код ВАК 5.1.4

Оценочные категории диспозиции ч. 1 ст. 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» УК РФ

А. А. Боженова¹, В. В. Ерахмилевич²

Алтайский государственный университет

пр. Социалистический 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹annabozenova62@gmail.com,

²erahmilevich75@mail.ru

Статья посвящена анализу оценочных категорий ч. 1 ст. 148 УК РФ. Авторы отмечают отсутствие легального определения понятий «оскорбление», «верующие», «религиозные чувства», «публичность» и «неуважение к обществу». В статье предлагаются доктринальные толкования данных терминов и отмечаются неоднозначности этих трактовок с правовой точки зрения. В ходе анализа рассмотрены конкретные уголовные дела и выявлены результаты непонимания правоохранительными органами сущности некоторых наиболее значимых терминов. В статье авторы проводят сравнение диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ и диспозиций ст. 213 УК РФ и ст. 5.26 КоАП РФ. Авторы предлагают возможные пути решения указанных проблем. В частности предлагается закрепление некоторых особенно дискуссионных понятий в специальных Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ или же в Федеральном Законе «О свободе совести и религиозных объединениях».

Ключевые слова: верующие, оскорбление, публичность, религиозные чувства, неуважение к обществу, Уголовный Кодекс, религия.

The Evaluation Categories in the Disposition of Part 1 of Article 148 of Criminal Code of Russian Federation "Violation of Freedom of Worship"

A. A. Bozhenova¹, V. V. Erahmilevich²

Altai State University

Socialist St. 68, 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹annabozenova62@gmail.com, ²erahmilevich75@mail.ru

The article discusses the evaluation categories of the disposition of part 1 of article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors draw attention to the problem of the lack of any legal definitions of such categories as "insult", "religious people", "religious feelings", "publicity" and contempt of society". The doctrinal definitions of these categories are described in the article. The authors also remark some problems with these definitions from the legal point of view. The examples of particular legal cases are analyzed and the results of misinterpreting of the essences of the before mentioned terms by the law enforcement authorities are described. The authors compare the disposition of part 1 of article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation with the dispositions of article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation and article 5.26 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences. The authors suggest solutions to the problems discussed. For example, the idea of explaining some terms in the Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation or in the Federal Law «On Freedom of Conscience and Religious Associations».

Key words: religious people, ibsult, publicity, religious feelings, contempt of society, Criminal Code, religio.

Ст. 28 Конституции Российской Федерации провозглашает свободу каждого гражданина на вероисповедание и выбор религии. Ч. 6 ст. 3 Федерального Закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» закрепляет правовую защиту граждан от любого воспрепятствования осуществлению данного права, в том числе от воспрепятствования, сопряженного с оскорблением чувств граждан в связи с их отношением к религии. Одной из норм, предполагающих ответственность за указанные деяния, является Уголовный Кодекс РФ, а именно ст. 148 УК РФ – нарушение права на свободу совести и вероисповеданий. Важно отметить, что изначально данная статья состояла только из одной части, устанавливающей уголовную ответственность за незаконное воспрепятствование деятельности религиозных

организаций или совершению религиозных обрядов. Катализатором перемен в законе стало скандальное выступление участниц панк-группы «Pussy riot» в Храме Христа Спасителя 19-21 февраля 2012 года. Действия девушек были квалифицированы по двум статьям: ст. 282 УК РФ и ст. 213 УК РФ. Очевидным был тот факт, что деяние было гораздо более специфичным, нежели простое хулиганство или экстремизм. 26 сентября 2012 года депутатами Государственной Думы РФ были внесены поправки в УК РФ, предполагавшие изменение «устаревшей» ст. 148 УК РФ и внесение в нее новых частей, целью которых была защита не просто деятельности религиозных организаций, а чувств верующих, проповедующих ту или иную религию. Помимо создания принципиально нового состава преступления, новая редакция ст. 148 УК РФ значительно увеличила количество оценочных категорий в уголовном законе. В частности, норма содержала такие категории, как «верующие», «религиозные чувства» и «оскорбление» и «публичность». Кроме того, в диспозиции использовалось характерное для такого состава, как хулиганство, понятие «неуважение к обществу». Очевидно, что оценочные категории, используемые в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ, стали причиной проблематичности применения данной нормы на практике и привлечения лиц в качестве подозреваемых (обвиняемых) за совершение указанного преступления. В данном исследовании нам хотелось бы обратить внимание на то, как в доктрине понимаются упомянутые выше категории и как проблема их оценочности разрешается на практике в конкретных уголовных делах.

Абсолютно специфичной для ч. 1 ст. 148 УК РФ является категория «верующие». Данный термин не употребляется ни в Конституции РФ, ни в Федеральном Законе «О свободе совести и религиозных объединениях», и в принципе не имеет никакого легального толкования. Не существует также и примерных критериев, позволяющих определить человека как верующего или неверующего. Н. В. Клинецкая в своей работе отмечает, что трактовка «верующего» как специфического участника общественных отношений менялась (и продолжает меняться). В частности, примерно половина опрошенных граждан, относящих себя к верующим, предлагали понимать под верующим человеком того, «кто не скрывает веры в Бога, проявляет свою веру в рамках предпочтительной ему конфессии, но допускает возможность истинности иных вероисповеданий, религиозных объединений и вероучений в различных формах, не унижающих духовное достоинство и свободу совести человека» [Клинецкая 2004: 77]. В этой же статье автор отмечает, что гораздо более строгие требования к верующим выдвигают священнослужители, определяя верующего человека как того, «кто воцерковлен, т. е. постоянно посещает церковь, соблюдает все обряды, является членом общины и имеет духовника». Иными словами, разные лица могут предлагать различные трактовки того, кто же является верующим. Приемлемость такого подхода в социологии не подходит для уголовного права, требующего более четких и определенных определений. Ведь буквальная трактовка категории «верующие» в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ показывает, что именно эта группа лиц может быть потерпевшими в соответствующих уголовных делах. Например, в 2016 году в мировом суде Кировского района г. Екатеринбурга прошло заседание по делу «Прокуратура Екатеринбурга против черного мага Антона Симакова». Поводом для разбирательства стало то, что 2 октября 2014 года Симаков в своем офисе в присутствии репортеров провел обряд жертвоприношения. Обвиняемый на камеру обезглавил живого петуха и обрызгал птичьей кровью православный погребальный покров с деревянным распятием. Оскорбительное использование атрибутов православного культа стало причиной привлечения «колдуна» к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 148 УК РФ. Заявление об оскорблении своих чувств написал в правоохранительные органы журналист Максим Румянцев, сам определяющий себя как православного человека. Напротив, во многих других случаях уголовные дела по ч. 1 ст. 148 УК РФ возбуждались по факту совершения преступления, т. е. без заявления от потерпевших или иных лиц. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что верующие далеко не всегда выступают в качестве потерпевших, а тогда, когда это происходит, потерпевшим является лишь одно лицо – верующий, т. е. лишь один субъект большой социальной группы [Зимаков 2021: 99]. В упомянутом ранее Федеральном Законе в качестве лиц, чье право на свободу совести и вероисповедания должно защищаться, указываются просто граждане без уточнения их принадлежности к той или иной религии. Возможно ли легальное определение «верующих» как участников уголовно-правовых отношений? Мы считаем, что нет. Во-первых, не существует и не может существовать каких-либо объективных критериев, позволяющих определить, насколько человек является верующим, т. к. степень «верности» религиозным учениям разнится не только в сравнении одной религии с другой, но и даже между течениями одной и той веры. Во-вторых, сама идея того, что верующие обязательно являются последователями какой-либо религии, представляется достаточно дискуссионной. В частности, возникает вопрос относительно того, признавать ли верующими агностиков, которые ни отрицают, ни признают Бога в полной мере, допуская его существование, или людей в целом верящих в Бога, но не относящих себя к определенной вере. В теории религиозные чувства таких лиц также могут быть оскорблены (например, унижительными высказываниями в адрес Бога как некоего высшего существа). Но возникает вопрос: какого религиоведа или представителя какой религии следует приглашать в качестве эксперта при проведении религиоведческой экспертизы, являющейся обязательным следственным действием при проведении следствия по делам, связанным с оскорблением религиозных чувств верующих, если религиозные воззрения потерпевшего не укладываются в догматику «традиционных» религий. И, в-третьих, не существует каких-либо правовых мнений относительно того, можно ли признать верующими последователей новых религиозных течений (или сект), чья деятельность, например, не зарегистрирована как религиозное объединение в соответствии с упомянутым ранее ФЗ, но и не признана экстремистской. Практика показывает, что последователей таких религиозных учений часто оскорбляют достаточно обыденные вещи, такие как паспорта нового образца, исторические фильмы, ИНН и т. д. Очевидно, что защита религиозных чувств такой категории лиц невозможна по объективным причинам, но делает ли это их менее верующими? Нормативно-правовые акты не дают на этот вопрос конкретного ответа. Таким образом, на наш взгляд, использование термина «верующие» в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ не соответствует практике применения данной нормы и является избыточным.

Крайне проблематичной, на наш взгляд, является категория «религиозные чувства». «Чувства» как предмет воздействия общественно-опасных действий не только являются несвойственными уголовному законодательству, но и в целом не используются как легальная категория в отечественной системе права. Сам этот факт доказывает отсутствие какого-либо

правового определения данного термина. В доктрине понятие «религиозных чувств» также не раскрывается на должном уровне. Так, Г. В. Рева и Т. А. Цергой предлагают понимать под религиозными чувствами «психоэмоциональное отношение верующих к сакральным понятиям, святыням, персонам, местам, друг к другу и к себе, а также к религиозно воспринимаемым явлениям природы и к миру в целом» [Рева, Цергой 2017: 96]. Как уже было сказано ранее, религиозные чувства, на наш взгляд, являются именно предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, так как именно они подвергаются негативному воздействию в связи с оскорбительными действиями субъекта преступления. Справедливым, на наш взгляд, является предположение о том, что душевное состояние, возникающее у верующего в результате оскорбления его религиозных чувств, соответствует состоянию, попадающему под правовые определения морального вреда. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 №4 под моральным вредом следует понимать: «нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.) или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина». В Уголовно-процессуальном Кодексе РФ не существует четких норм, указывающих на то, кто и каким образом должен оценивать степень морального вреда. Гражданский Кодекс РФ в п. 2 ст. 1101 закрепляет, что «характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего». Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что моральный вред может быть причинен только конкретному потерпевшему (конкретным потерпевшим). Верующие, как отмечалось ранее, являются социальной группой, состоящей из лиц, по-разному относящихся не только к общественным явлениям и ситуациям, но и к одним и тем же религиозным догматам и представлениям. Следовательно, невозможно предположить, что оскорбительные действия могут причинить разным верующим одинаковый моральный вред. Кроме того, состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, является формальным, т. е. общественно-опасные последствия могут и не наступить вообще. Анализ судебной практики также демонстрирует, что круг потерпевших или конкретный потерпевший не всегда фигурирует в деле. Иными словами, основная проблема термина «религиозные чувства» в контексте уголовно-правового законодательства заключается в том, что представляется невозможным его применение к социальной группе верующих, придерживающихся разных воззрений даже в рамках одного учения и, соответственно, имеющих разные «религиозные чувства».

Наиболее «понятным» термином диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ для уголовного права является категория «оскорбление». В первой редакции УК РФ состав оскорбления содержался в ст. 130 УК РФ и выражался в унижении чести и достоинства другого лица, выраженном в неприличной форме. В настоящее время данный термин «перекочевал» в КоАП РФ и содержится в ст. 5.61 КоАП РФ. Оскорбление в нем трактуется как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме». Особенностью обеих статей является то, что оскорбление предполагает наличие конкретного потерпевшего – физического лица, обладающего такими «характеристиками», как честь и достоинство. Очевидно, что применение категории «оскорбление» к столь большой социальной группе, как верующие, представляется дискуссионным и, по сути, противоречащим самой сущности оскорбления как правонарушения. Интересным представляется мнение Д. А. Казанцева, который указывает на то, что: «[в контексте использования категории «оскорбление» в ч. 1 ст. 148 УК РФ] речь идет о действиях, связанных со святотатством (осквернением догматов, религиозной святыни и пр.) и (или) кощунством (язвительными насмешками, издевательствами, неуважением к правилам жизни или обрядам той или иной религии)» [Казанцев 2019: 37]. Очевидно, что легального определения понятия «осквернение» в нормативно-правовых нормах не приводится (хотя данный термин применяется как одно из альтернативных действий, предусмотренных объективной стороной состава правонарушения, описанного в ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ). С. Н. Астапов в своей работе приводит следующее толкование «осквернению»: «...осквернение в самом общем смысле – это совокупность нарушающих религиозные нормы действий, направленных на репрезентации сакрального» [Астапов 2017: 10]. Следует ли из этого, что понятия оскорбления и осквернения в данном случае синонимичны? Анализируя сущность самой статьи и существующую судебную практику, можно сказать, что это так. В доказательство наших слов обратимся к конкретному делу. Ш. и К. вечером 22 сентября 2015 года пришли к поклонному кресту и повесили на него самодельное чучело с оскорбительной надписью. С точки зрения следствия, осужденные «пренебрежительно относились к православной вере, преследовали цель надругаться над почитаемой верующими религиозной святыней. Справедливо отметить, что деяния Ш. и К. в целом не полностью отвечали признакам объективной стороны, описанной в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ. В частности, в преступлении не наблюдается признака публичности (свое деяние осужденные совершали поздно ночью), отсутствует потерпевший (в тексте приговора нет ни одного упоминания о потерпевших по данному делу). На наш взгляд, выбор законодателем термина «оскорбление» в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ был обусловлен необходимостью формирования отдельного уголовно наказуемого деяния, не связанного преюдициальностью с ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, предполагающей административную ответственность за умышленное публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания. В то же время мы полагаем, что применение термина «осквернение» гораздо лучше отражает сущность противоправного деяния, указанного в ч. 1 ст. 148 УК РФ, т. к. он представляется более понятным как для правоприменителя (а именно для экспертов-религиоведов), так и для общества.

Анализируя проблематику ч. 1 ст. 148 УК РФ, хотелось бы также акцентировать внимание на неоднозначности термина «публичные действия». Как такового понятия публичности в нормативных актах не содержится. Наиболее приближенным к анализируемому термину является определение публичных призывов, трактуемых законодателем как выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской (соответственно, террористической) деятельности. Следовательно, мы можем

сделать вывод о том, что публичные действия предполагают совершение противоправных действий, направленных на неограниченный круг лиц. Таким образом, количество лиц не будет иметь значения: противоправные действия (указанные в ч. 1 ст. 148 УК РФ) в общественном месте будут образовывать состав при фактическом отсутствии потерпевших [Алмакаев 2017: 337]. Однако необходимо отметить, что в эпоху глобализации и информатизации общества под пространствами, считающимися публичными, справедливо понимают и различные интернет-платформы. Публичность в социальных сетях обеспечивается за счет открытого доступа к большинству серверов, на которых публиковались материалы оскорбительного содержания. Так, блогер С., осужденный по ч. 1 ст. 148 УК РФ, публиковал свои видео, в которых в резких выражениях критиковал религию и использовал игры с дополненной реальностью в храме, на открытом для всех пользователей Youtube-канале. Публичность в данном случае формировалась за счет неограниченного допуска граждан, принадлежащих к различным социальным группам, к роликам блогера. Следовательно, публикация оскорбительных материалов в интернет-пространстве полноценно отвечает характеристике публичности, упоминаемой в УК РФ. Тем не менее, практика показывает, что признак публичности иногда воспринимается правоприменителями как факультативный. Например, в указанном нами ранее деле К. и Ш. признак публичности не был соблюден, т. к. мужчины прибывали чучело поздней ночью, во время, когда, как предполагается, на улицах нет людей. Иными словами, публичность как признак объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, не всегда работает при реальном использовании данной нормы на практике. На наш взгляд, подобное отношение правоохранительных органов является некорректным, т. к. прямое толкование диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ не дает оснований расценивать публичность как факультативный признак рассматриваемого преступления.

Наконец, не менее значимым признаком состава, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, является «неуважение к обществу» как характеристика преступного действия. Если указанное выше «оскорбление» существовало в уголовном праве в прошлом, то «неуважение к обществу» до сих пор присутствует в уголовном законе, а именно в диспозиции ч. 1 ст. 213 УК РФ (хулиганство). В отличие от иных рассмотренных нами категорий, сущность «неуважения к обществу» раскрывается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 N 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», где оно толкуется как «умышленное нарушение общепризнанных норм и правил поведения, продиктованное желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним». Основным вопросом, возникающим при анализе применимости данного признака в контексте ч. 1 ст. 148 УК РФ, является вопрос о том, всякое ли действие, оскорбляющее религиозные чувства верующих, обязательно выражает неуважение к обществу? Обратимся к судебной практике: преподаватель Оренбургского государственного медицинского университета Л. в 2013 году выложил на своем сайте статью некоего «окультиста Белозерского». Статья с вызывающим названием «Злой Христос» носила ярко выраженный антирелигиозный характер и в частности агрессивные эпитеты в сторону христианства. В статье «окультист» в весьма жесткой форме отзывался о личности Иисуса Христа, называя последнего не иначе, как «убийцей», «богом-карателем» и «тираном». В данном случае Л. выложил на своем личном сайте статью, в которой были изложены мысли, разделяемые самим Л. Очевидно, что текст статьи содержал материалы, которые носили оскорбительный характер для лиц, разделяющих христианские ценности, но при этом верующие христиане являются лишь частью общества и, возможно, вовсе не являлись «окружающими» для Л. Уголовное дело в отношении Л. было возбуждено по результатам проверки местного центра по борьбе с экстремизмом, следовательно, сложно предположить, сколько конкретно верующих лиц или людей в целом ознакомились с содержанием данной статьи, что в свою очередь не дает возможности в должной мере оценить, насколько общество «пострадало» от действий Л. И все-таки, является ли использование элемента «хулиганской» статьи УК РФ в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ оправданным? Мы полагаем, что да, и обуславливается это социально-культурными причинами. Исторически сложилось, что религия как институт всегда играла значительную роль в развитии нашего государства. По данным фонда «Общественное мнение», в 2023 году 72% процента граждан РФ относят себя к верующим. Иными словами, в настоящее время вера и религия остаются значимыми институтами и ценностями для российского общества. Именно поэтому действия, выражающие явное желание оскорбить тех, кто разделяет религиозные ценности, или сами религиозные ценности, чаще всего воспринимаются как попытка негативно противопоставить себя большинству. Все это вполне вписывается в толкование «неуважения к обществу», приводимое Верховным Судом РФ, и использование данного термина в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ представляется обоснованным.

Подводя итог всему вышесказанному, можно отметить, что оценочные категории в ч. 1 ст. 148 УК РФ в значительной степени затрудняют применение данной нормы на практике. В основном это объясняется неполным представлением как законодателя, так и правоприменителя о тех терминах, которые используются в анализируемой норме. Одним из возможных способов преодоления данной проблемы является введение нормативного толкования указанных нами терминов в Федеральном законе «О свободе совести и религиозных объединениях», т. к. именно этот нормативно-правовой акт содержит в себе положения, прямо касающиеся религии как института, подконтрольного праву. Иным допустимым вариантом решения указанной проблемы является принятие соответствующего постановления пленума Верховного Суда РФ, т. к. на данный момент существует достаточный массив судебной практики по ч. 1 ст. 148 УК РФ, на основе которой вполне реально сформировать некоторые определения, способные облегчить работу правоохранительных органов при применении данной статьи УК РФ. В то же время мы не разделяем мнения некоторых правоведов относительно возможной декриминализации ст. 148 УК РФ. Мы справедливо полагаем, что верующие и религия нуждаются в достойной правовой защите со стороны государства, но нормы, направленные на данную защиту, должны быть составлены грамотно и с учетом всех норм и правил юридической техники.

Литература

- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) / Собрание законодательства РФ. 03.07.2020. № 31. Ст. 4412.
- Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях" от 26.09.1997 N 125-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации от 29 сентября 1997 г. N 39 ст. 4465
- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.03.2023) / СЗ РФ. 1996. №25. Ст. 2954; СЗ РФ. 2022. №48. Ст. 8313.
- Клинецкая Н. В. Религиозность молодежи в современной России / Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2004. – №4. – С. 75-86
- Зимаков И. П. К вопросу об уголовно-правовом значении верующего при нарушении права на свободу совести / Скиф. – 2021. – №12 (64). – С. 95-99
- Рева Г. В., Цергой Т. А. Концепт понятия оскорбление религиозных чувств в социальном пространстве современности / Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2017. – № 4. – С. 95-100.
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 20.12.1994 "Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда" (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007, N 6). URL: <http://www.consultant.ru>
- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ / Собрание законодательства РФ. - 03.12.2001. - № 49. - ст. 4552.
- Казанцев Д. А. К вопросу об уголовно-правовой охране религиозных чувств верующих / Российский следователь. – 2019. – № 9. – С. 36-40.
- Астапов С. Н. Осквернение сакрального: казус "Тангейзера" / Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. – 2017. – № 3 (1). – С. 6-17
- Алмакаев Р. Н. Признак публичности в уголовном законодательстве: краткий анализ / Молодой ученый. – 2017. – № 11 (145). – С. 335-338.

References

- The Constitution of the Russian Federation (it is accepted by national vote 12.12.1993). The Collection of the Legislation of the Russian Federation. 03.07.2020. No. 31. Art. 4412 (in Russian).
- Federal law of 26.09.1997 № 125-FZ "On freedom of conscience and religious associations". The Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1997. № 39. Art. 4465 (in Russian).
- Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 21.03.2023). SZ RF. 1996. №25. Art. 2954; SZ RF. 2022. №48. Art. 8313 (in Russian).
- Klinetskaia, N. V. (2004). Religiosity of the youth in modern Russia. Vestnik of Saint Petersburg University International Relationships, 4, 75-86 (in Russian).
- Zimakov, I. P. (2021). To the question of the criminal-legal purpose of a believer in violation the right to freedom of thought. Skyph, 12 (64), 95-99 (in Russian).
- Reva, G. V., Tsergoi, T. A. (2017). Concept of the notion of insulting religious feelings in the social space of modernity. Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologiceskogo universiteta, 4, 95-100 (in Russian).
- Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 of 20.12.1994 "Some issues of the application of legislation on compensation for moral damage" (ed. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 06.02.2007, N 6). Available from: <http://www.consultant.ru> (in Russian).
- The Civil Code of the Russian Federation (Part Three): Federal Law No. 146-FZ dated 26.11.2001. The Collection of the Legislation of the Russian Federation. - 03.12.2001. - No. 49. - Article 4552 (in Russian).
- Kazantsev, D. A. (2019). On the criminal law protection of religious feelings of the faithful. Russian Investigator, 9, 36-40 (in Russian).
- Astapov, S. N. (2017). Desecration of the sacral: the "Tannhäuser" case. South Pole. Investigations of the modern west philosophy, 3 (1), 6-17 (in Russian).
- Almakayev, R. N. (2017). Feature of publicity in criminal law: short analyze. Moluch, 11 (145), 335-338 (in Russian).

Citation:

Боженова А. А., Ерахмилевич В. В. Оценочные категории диспозиции ч. 1 ст. 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» УК РФ // Юрислингвистика. – 2025 – 37. – С. 98-102.

Bozhenova A. A., Erahmichev V. V. (2025) The Evaluation Categories in the Disposition of Part 1 of Article 148 of Criminal Code of Russian Federation "Violation of Freedom of Worship". Legal Linguistics, 37, 98-102.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License